

Лю Хэн всё ещё думал, что состояние босса критическое, что он находится в операционной, борясь за жизнь, и, подтверждая ситуацию с Е Тао, достал мобильный телефон, чтобы уведомить Чжоу-старшего и адвоката Чжоу Цзыцяня.

На самом деле жизнь Чжоу Цзыцяня была вне опасности, только раны были довольно глубокими и требовали хирургического вмешательства для наложения швов. Е Тао выглядел таким подавленным, потому что его спокойствие в критический момент иссякло, и теперь его охватывала волна страха. Если бы он опоздал хотя бы на шаг, если бы человек с ножом не стоял к нему спиной, не дав ему шанса, то, вероятно, и он, и Чжоу Цзыцянь были бы мертвы.

Чжоу Цзыцянь находился в полусознательном состоянии, когда его сняли с операционного стола, и, когда его переносили на больничную кровать, он сказал Е Тао, что всё в порядке, а затем обменялся несколькими словами с Лю Хэном и дядюшкой Чжоу, прежде чем спокойно погрузиться в сон.

Е Тао, чьё сердце было напряжено всю ночь, наконец почувствовал облегчение, но слишком резкое расслабление нервов вызвало небольшую негативную реакцию. Как только Чжоу Цзыцянь заснул, Сяо Чэн с тихим восклицанием подхватил Е Тао, который начал падать.

Медицинский персонал, уже собиравшийся уходить, вернулся, начав проверку: подняли веки, прослушали сердце, и в итоге поставили диагноз — обморок, вызванный аритмией. Сначала сделали укол, затем поставили капельницу.

Дядюшка Чжоу, глядя на двух хозяев, которые буквально добрались до больницы, подумал, что, если они продолжают в том же духе, его старое сердце скоро откажет.

К счастью, с Е Тао всё было в порядке, и после ночного отдыха он пришёл в себя. Чжоу Цзыцяню пришлось хуже: как только действие анестезии прошло, раны начали неистово болеть, особенно сильно болели руки. Десять пальцев связаны с сердцем, а у него было повреждено девять пальцев, а порезы на ладонях были настолько глубокими, что виднелись кости, что свидетельствовало о том, с какой силой второй господин отбирал нож.

Е Тао, вытирая его холодный пот влажным полотенцем, с невозмутимым лицом утешал его:

— Врачи сказали, что кости и сухожилия не повреждены, только кожа и мышцы. Всё зашили. Ты спокойно отдыхай, с твоей способностью к восстановлению, ты сможешь ещё много лет жить, как будто ничего и не было.

Чжоу Цзыцянь, превратившийся из каши в пару носков, не смог сдержать смешка, но сотрясение груди вызвало боль в спине и плечах, что было крайне неприятно. Он, покрытый новой порцией холодного пота, сказал:

— Не заставляй меня смеяться, от смеха всё болит.

Е Тао произнёс «Ага» и, повернув голову, посмотрел на Сяо Чэна:

— Тебе тоже больно, когда смеёшься?

— А? Нет, мне не хочется смеяться. Что-то вроде того, я пойду посмотрю, почему медсестра до сих пор не пришла, чтобы дать второму господину обезболивающее, — Сяо Чэн бросил эти слова и вышел, его пухлые плечи подёргивались, словно он пытался стряхнуть с себя жир.

— Я уже так сильно пострадал, а ты всё ещё издеваешься надо мной, — Чжоу Цзыцянь хотел

дать Е Тао щелбан, но его руки были забинтованы, как медвежьи лапы, и каждое движение вызывало пронзительную боль.

— Дядюшка Чжоу уже взбешён из-за наших выходок, но не может высказать это нам напрямую, поэтому срывается на всех остальных, и Сяо Чэн первым попадает под раздачу, получая как минимум три выговора в день. Мне его жалко, — Е Тао, закончив вытирать пот, взял остывший суп и начал кормить раненого.

— Ему жалко, а ты издеваешься надо мной, чтобы его развеселить? Почему ты не пожалеешь меня?

— Тебе жалко? Возможно. Но ты не невиновен.

Чжоу Цзыцянь, готовившийся сделать глоток супа, остановился и поднял глаза на Е Тао.

— Я говорю, что ты не невиновен, не потому, что кому-то жалко. Я знаю, что у каждого, кто заслуживает жалости, есть своя доля вины, и я сам испытал на себе, насколько отвратителен Коу Хуаймин, поэтому не буду проявлять излишнюю мягкость. Я просто боюсь, что ты зайдёшь слишком далеко и навлечёшь на себя ещё больше бед, — Е Тао знал, что он упрям, и что, сколько бы он ни говорил, тот вряд ли его послушает. Но рядом с ним мало кто осмеливался говорить такие вещи, и Е Тао боялся, что никто больше не скажет ему этого.

Чжоу Цзыцянь не показал своих эмоций на лице, лишь спокойно сказал:

— Я просто отвечаю тем же, это не так уж серьёзно, как ты говоришь.

— Твоё «отвечаю тем же» загнало его в угол, и он перестал заботиться о жизни. Капитан Юань сказал, что у него был шанс сбежать за границу, он даже нашёл путь, но в последний момент передумал. Он знал, как легко его могут поймать в столице, но всё равно приехал. Он следил за тобой больше десяти дней, выжидая момент для нападения. Если бы в столице не было строгого контроля, и он не был бы здесь чужим, не имея связей для покупки оружия, у тебя даже не было бы шанса кричать от боли.

— Ты чуть не потерял жизнь, но ты даже не испугался, ты лишь сожалеешь, что не добил змею. Если появится второй Коу Хуаймин, ты станешь ещё более жестоким. Это тебе не на пользу. Убить человека — это одно, но если после убийства ты ещё и издеваешься над трупом, то рано или поздно тебя настигнет либо человеческая, либо божественная кара.

Е Тао не уговаривал его быть добрым, он просто хотел, чтобы он в будущем оставлял себе пространство для манёвра, не доводя людей до отчаяния, когда они готовы пойти на всё, лишь бы уничтожить его вместе с собой.

Чжоу Цзыцянь, забинтованной рукой, поправил прядь волос, упавшую на лоб Е Тао, и поцеловал его в лоб:

— Прости, это я навлёк на нас беду, я чуть не погубил тебя.

Е Тао ничего не сказал, лишь снова взял миску с супом и начал кормить его.

Сяо Чэн вернулся, приведя медсестру, чтобы добавить лекарство в капельницу Чжоу Цзыцяня.

Чжоу Цзыцянь спросил её:

— Это обезболивающее?

Медсестра естественно кивнула и терпеливо объяснила:

— Это лекарство нельзя использовать слишком часто, но пока раны не заживут, боль будет довольно сильной, поэтому в эти дни дозировка...

Чжоу Цзыцянь перебил её, не дожидаясь окончания фразы:

— Не надо.

Девушка растерялась, повернувшись к Сяо Чэну, который попросил её принести лекарство для пациента.

Сяо Чэн тоже был в недоумении: только что он стонал от боли, а теперь отказывается от обезболивающего?

Чжоу Цзыцянь не стал объяснять, сказав «не надо», продолжил пить суп.

Сяо Чэн не мог спросить, почему он так резко передумал, лишь смущённо улыбнулся и извинился перед медсестрой, а затем проводил её, как и привёл.

Е Тао, продолжая кормить Чжоу Цзыцяня супом, с лёгкой усмешкой спросил:

— С кем это ты соревнуешься?

Господин, покрытый новой порцией холодного пота, улыбнулся:

— Ни с кем. Просто хочу запомнить это.

Е Тао не стал ничего говорить. Если человек хочет через страдания запомнить урок, что можно сказать? Похвалить его или назвать сумасшедшим?

История дядюшки Е Тао учит нас тому, что при выборе партнёра нужно быть внимательным, иначе придётся переживать, страдать и пожинать плоды ошибок.

Чжоу Цзыцянь знал, что Е Тао был напуган произошедшим, поэтому обычно немногословный мужчина потратил столько слов, чтобы убедить его в будущем не быть слишком радикальным и оставлять пространство для манёвра как для себя, так и для других.

В случае с Коу Хуаймином Чжоу Цзыцянь действительно был слишком жесток. Когда Коу Хуаймин подкупил водителя Чжоу Цзыцяня, чтобы тот похитил Е Тао и использовал его как заложника, позже рука этого водителя была отрублена и отправлена в дом Коу Хуаймина. Жена и дети Коу Хуаймина были в ужасе и долгое время боялись выходить на улицу в одиночку. Это было только начало, настоящие проблемы начались полгода назад. Все, кто знал Коу Хуаймина, знали, что, несмотря на свою властность в бизнесе, он был хорошим мужем и отцом в семье. Он любил свою жену и детей, был верен и заботлив к супруге, но та, которая раньше была с ним очень близка, внезапно потеряла голову из-за какого-то молодого человека, бросила мужа и детей и сбежала с этим молодым человеком, прихватив с собой деньги компании. Вскоре после этого в правоохранительные органы анонимно попала компрометирующая бухгалтерская книга, и Коу Хуаймин оказался втянут в судебные разбирательства по обвинению в уклонении от налогов и даче взяток.

Мужчина, который добился определённых успехов в карьере и имел счастливую семью, за год

потерял всё: семью, карьеру, и теперь ему грозило тюремное заключение. Но кому-то этого было мало, и они выкопали дело семилетней давности, чтобы усугубить его положение, стремясь окончательно уничтожить Коу Хуаймина.

Коу Хуаймин не был невиновен и не заслуживал сочувствия, но действия Чжоу Цзыцяня действительно были, как сказал Е Тао, убийством с последующим надругательством над трупом, не оставляя никому пространства для манёвра, включая себя самого. Чжоу Цзыцянь относился к своей жестокости с безразличием, считая, что всё так и должно быть. Если бы он столкнулся со вторым Коу Хуаймином, даже если бы тот был подобен сороконожке, которая продолжает шевелиться даже после смерти, он бы уничтожил его без остатка.

Чжоу Цзыцянь был вынужден признать, что Е Тао хорошо его знает, и что он был прав, когда отказал ему, сказав, что они не одного поля ягоды. По сравнению с Е Тао, который был подобен яркому свету луны, он был словно призрак в углу, грязный, тёмный, наполненный запахом разложения. Однако Е Тао ошибался в одном: на этот раз он тоже был напуган. Он чуть не потерял жизнь, а Е Тао, который никому не причинил вреда, чуть не погиб вместе с ним.

<http://bllate.org/book/17687/1650283>